

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2+304+341.3.018

СИЛА И ПРЕКРАЩЕНИЕ НАСИЛИЯ*

Петар Боянич

Белградский университет, Институт философии и социальной теории, г. Белград;
Уральский федеральный университет (УрФУ), г. Екатеринбург
e-mail: bojanic@instifdt.bg.ac.rs

В статье рассмотрены многочисленные смыслы концептов «сила», «насилие», «война», «ненасилие» в контексте русской философии, представленной текстами таких мыслителей, как Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, С.Л. Франк и других. Автор сравнивает их с коннотациями в дискурсах западной философии и проводит связи между силой и насилием, войной и ненасилием, различая их в онтологических основаниях, языковых и антропологических практиках.

Ключевые слова: сила, насилие, война, ненасилие, русская философия, И. Кант, Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, С.Л. Франк.

Мое намерение заключается в том, чтобы, одновременно анализируя различные аргументы в пользу оправданного насилия в русских текстах и текстах на западных языках, сконструировать возможный *минимальный ответ* на насилие ([не]сопротивление?), или описать, чтобы такое было бы *оправданное* (или необходимое, или легитимное) *противонасилие*. Предложенный вариант такого применения силы, которое должно быть правильным, своевременным и минимальным по размерам, должен был бы удовлетворять двум гипотетическим требованиям.

Первое, мы должны признать, что размышления русских философов перед началом и во время первой мировой войны (а это было точно сто лет назад) о войне и

* Институт за филозофију и друштвену теорију, Универзитет у Београду; Уральский федеральный университет (УрФУ), Екатеринбург, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01165). Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного в рамках международной научно-теоретической конференции «Война и мир, насилие и ненасилие в русской литературе и философии. К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого» (г. Белгород, 27-30 июня 2018 года).

силе являются на самом деле *лучшей моделью*, которую в теории насильственного действия создали восточное христианство и русская философия¹. Второе, эта модель должна быть способна конкурировать с уже существующими проблемами и аргументами, которые мы сегодня, прежде всего в англосаксонском мире, называем «этикой войны» или «этикой (не)справедливо ведомой войны».

Слова «противонасилие» и «ненасилие», очень редко используются в текстах и книгах упомянутых русских философов². На это существует несколько причин. Основной причиной является попытка избежать определенной традиции, которую отстаивает Л.Н. Толстой в своей теории о несопротивлении силой³, то есть о неприменении «насилия» (он употребляет именно это слово). Насилие Л.Н. Толстой определяет как акт или деятельность, направленные в сторону лица, которое их не принимает или *не желает*. И.А. Ильин и С.Л. Франк насилие разумеют, как и Л.Н. Толстой, в качестве неприкрытой, «голой» атакующей силы, поэтому насилие никогда не может быть оправданным⁴. В этом смысле противостояние насилию (нападению) может называться исключительно силой, и она должна отличаться от насилия. Если насильник нападает, покоряет, презирает, то сила, которая ему противостоит (или сила, с которой ему сопротивляется *праведник*), его на самом деле

¹ Я готов утверждать, что позиция Л.Н. Толстого, которую сложно конструировать с точностью и последовательностью, решительно определяет отношение к насилию этих философов. Можно отметить неопределенность в вопросе Л.Н. Толстого: действительно ли задачу не причинять насиле нужно считать «христианским императивом»? Является ли универсально приемлемым и поэтому необходимо «непротивление злу насилием» (эта формулировка появляется в 1908 г., в «Законе насилия и законе любви»? Размышление над этими вопросами становится регулятивной моделью каждого возможного акта насилия.

² Л.Н. Толстой также не употребляет слово «ненасилие». Синтагма *non-violence* в настоящее время широко используется в английском и французском языках. «Насилие» (*Gewalt, violence*) – термин, который на сегодняшний день употребляется в этом контексте, и у которого в настоящий момент есть определенное преимущество над такими терминами, как сила, мощь или власть, в случаях, когда речь идет об оправдании или легитимизации (насилия), или когда темой становится отношение к праву («насилие и право»). Хотя у Паскаля, Спинозы или Руссо сила или мощь имеют преимущество над словом «насилие» в контексте права, у Канта, Якоби и Гегеля слово *Gewalt* принципиально связано с правом (*Recht*) или с источником права. Кант в своих лекциях настаивает, что без насилия право невозможно институционализировать (*[...] dass ohne Gewalt kein Recht gestiftet werden kann*) (Лекции по метафизике морали по конспектам *Вигилантия*) (А.А. том 27, 515) и в контексте внешней справедливости надо начать с установлением меры достаточного насилия (*[...] die Erichtung einer gnugsamen Gewalt*) (I. Kant, A. A. том 21, Рефлексия 7957, 564). Тем не менее, иногда, особенно когда речь идет об этом в § 28 *Критики способности суждения* Канта, термин *Gewalt* не переводится как «насилие». На русский или сербский языки *Gewalt* переводится как «власть» а на английский как *dominion* или *dominance* (См.: Гусейнов А.А. Понятия насилия или насилия // Вопросы философии, №4. 1994. С. 35-41).

³ В тексте «Царство Божие внутри вас» (1890-1893), который Л.Н. Толстой первоначально намеревался печатать в качестве предисловия к русскому переводу *Non-resistance catechisme* христианского пацифиста Адина Баллоу, было два альтернативных названия, которые Толстой вычеркнул в своем черновике: «О непротиивлении злу насилием, о церкви и об общей воинской повинности» и «Учение христианское не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

⁴ Кроме того, Ильин и Франк, юристы по образованию, предпочитают слово «сила» (*force; Macht*) (хотя перевод слова *Macht* словом «сила» совершенно необычен) и таким образом отдают дань одной очень сложной традиции юридических текстов, темой которых было отношение силы и права. Эта традиция начинается в середине девятнадцатого века и длится до Веймарской республики (См.: F. Lassalle 1863; R. von Stinzing 1876; A. Heiling 1880; A. Merkel 1881; J. Binder 1921; R. Stammler 1925; M. Darmstachter 1926; P. Hansel 1930). Макс Шеллер, в своей знаменитой книге, написанной в 1915 году, видит возможно ключевое различие между *Macht* и *Gewalt*: «Сила (*Macht*) также представляет собой еще и дух. В отличие от насилия (*Gewalt*), чья природа глупа, мертва и сведена к физическому». См.: Scheler M. *Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg*. Leipzig: Verlag der Weissen Bücher, 1915. S. 10.

останавливает, прерывает, отталкивает, умиротворяет, и в этом смысле такую *силу* надо понимать *парадоксально*, как *ненасильственную* и не носящую в себе *насилования*.

Это, по сути, стилизация и реконструкция ключевой идеи Л.Н. Толстого о нахождении совершенно другой и *новой силы* («Теперь время сознания этой силы») ⁵. А именно, сопротивление сторонникам Л.Н. Толстого, оказываемое Ильиным и Франком (и не только ими) ⁶, явилось последствием слишком точного и детального прочтения его текстов в первоисточнике. Сопротивление наследникам Толстого или «духу времени», окрашенному различными позициями Толстого и «псевдо-Толстого» ⁷, парадоксально включает в себя некоторого «исконного Толстого» в теории (не)сопротивления насилию и нахождении силы, которая должна навсегда отложить насилие (позднее Л.Н. Толстой так или иначе настаивает на том, что это любовь) ⁸. Точнее, создается впечатление, что взгляды Толстого, сформированные в разных фазах его творчества, гармонично вписались в новое мышление о войне и силе и таким способом регулируют этику праведного применения силы. Я не уверен, что возможно последовательно представить позицию Толстого, но во всяком случае можно перечислить некоторые его идеи, узнаваемые в этих текстах, тематизирующих войну и насилие. Толстой сначала призывает отнестись к войне, то есть к крайнему насилию, со всей серьезностью, и тематизировать войну как феномен (хотя он слишком быстро приходит к заключению, что «цель войны – убийство»). В третьем томе «Войны и мира» он пишет: «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость». Затем Толстой ставит под сомнение известную и тривиальную идею о том, что общество основано на насилии, и делает это двумя способами: утверждая, что насилие не может стать средством соединения людей (насилие разъединяет), и что насилие создает ложное единство, «подобие справедливости», то есть подобие общества. В тематизации насилия, ни до ни после Толстого мы не находим такую специфическую связь между жизнью и насилием.

⁵ Это предложение находится в самом конце краткой рукописи «О насилии», написанной, вероятно, в начале шестидесятых годов, где мы и находим несколько интересных идей, позднее или не развитых, или включенных с искажениями и потерями в другие размышления Л.Н. Толстого о насилии. Кроме первого определения силы, связи насилия и справедливости, идеи о насилии большинства над меньшинством в рамках общества (которая с вариациями появляется и позднее), Л.Н. Толстой вводит в употребление идею универсальности, «общей справедливости» («общая идея справедливости включает в себя идеи общей свободы и равенства и отсутствия насилия»). В этом Л.Н. Толстой – когнитивист, предшественник Джона Ролса: «Достижение общей идеи справедливости, и совершенно[е] уничтожение насилия, следовательно, возможно бы было тогда, когда бы все человечество в одно время имело одну и ту же идею». «Иметь идею» – это эпистемическое предприятие. Для того, чтобы достичь «согласия человечества, и зная, что «Идея передается насилием и словом» (это очень интересно и всегда под вопросом), Л.Н. Толстой настаивает, что развитие идеи общей справедливости нужно реализовать «уничтожением насилия посредством насилия» и книгой, «книгопечатанием» (обе эти идеи позже были совершенно забыты). Здесь скрывается ответ на вопрос, как Толстой борется против насилия: написанием и публикацией текстов и книг.

⁶ «(...) эта группа морализующих публицистов неверно поставила вопрос и неверно разрешила его». (См.: Ильин И.А. О сопротивлении злу силою, с. 9).

⁷ «(...) перевернуть раз и навсегда эту «толстовскую» страницу русской нигилистической морали» (Демидов И. Творимая легенда // И.А. Ильин: Pro et Contra, с. 566). Полемика Ильина с Бердяевым на самом деле является дискуссией о значении Толстого в первые годы после революции.

⁸ Внимательное чтение Толстого Ильиным и его острая критика все же делает возможным следующий вывод: «Нет сомнения, что граф Л.Н. Толстой и примыкающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному несопротивлению (...) напротив, их идея состоит именно в том, что борьба со злом необходима (...)». (См.: Ильин И.А. О сопротивлении злу силою, с. 16).

«Жизнь, построенная на началах насилия, дошла до отрицания тех самых основ, во имя которых она была учреждена»⁹. Л.Н. Толстой пытается освободить жизнь от насилия или найти «силу жизни», которая не может основываться на насилии. Он высказывает две новые мысли в отношении власти и связи власти и насилия (гораздо раньше Мишеля Фуко): первая, что «основа власти есть (всегда) телесное насилие», и вторая: «но ведь властвовать значит насилловать, насилловать значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие, и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие; следовательно, властвовать значит делать другому то, чего мы не хотим, чтобы нам делали, т.е. делать злое»¹⁰. В конце концов, последняя операция Толстого, которая будет иметь различные последствия на дальнейшую историю «не-насилия», заключается в переносе силы (силы жизни)¹¹ из внешнего мира во внутренний мир каждого человека, в индивидуальное: «(Т)от, кто чувствует достаточно силы в самом себе ... не станет прибегать к насилию»¹².

Какая эта сила и как описать такую силу (противонасильственную силу или силу, сопротивляющуюся насилию)? Как ее оправдать, и может ли тот, кто ее применяет, делать это этично и безошибочно (Ильин говорит иногда о «негреховном нанесении несправедливости»)? Вероятно, более точное объяснение оправдания или попыток оправдания применения силы в качестве ответа на насилие, как и описание «природы» самой силы (тут я, прежде всего, имею в виду сферу ее влияния, а не технику ее применения, хотя она тоже достойна обсуждения), прояснили бы положение, в котором находятся актеры этого театра (насильник, который должен остановиться, и объект насилия, который должен не только остановить насилие, но и сам остановиться перед насильником).

Оправдание, под условием, что оно успешно, превращает силу в противонасильственную силу. Какова связь между «оправданием силы» (и только оправданная сила не является насилием) и противостоянием или сопротивлением? Всегда ли эта связь подразумевается?

Причина или оправдание или легитимация силы не являются синонимами (или не находятся в синонимии: Х. Арендт, к примеру, утверждает, что насилие [*violence* или *Gewalt*] может быть легитимным, но не оправданным, а Л. Карсавин говорит, что сила может быть необходимой, но не оправданной¹³). Если мы временно забудем о различиях между «оправданной силой» и «оправданным насилием» (насилие по

⁹ См.: Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас.

¹⁰ Там же.

¹¹ В *Исповеди* Л.Н. Толстой пишет: «Я ищущу веру, силы жизни, а они ищут наилучшего средства исполнения перед людьми известных человеческих обязанностей. И, исполняя эти человеческие дела, они и исполняют их по-человечески», то есть с применением насильственных методов» (Том 7, с. 105).

¹² Толстой Л.Н. *Путь жизни*, с. 205. Не-насилие – это сила в понимании Ганди и Симоны Вайль. Л.Н. Толстой, к сожалению, не объясняет, как эта сила, которую он зовет любовью, «действует» перед лицом насилия другой стороны, и как она принимает насилие (Эммануэль Левинас позднее разовьет эту сцену и добавит к ней новый протокол – за насилие другого надо мной я на самом деле несу ответственность). Во всяком случае, Толстой напрасно приписывает эту экономию насилием исключительно христианству или православию (к примеру, в Талмуде существуют различные фрагменты, в которых любовь превращает врага в друга, или где нужно кормить врага (См.: Kimelman R. *Non-Violence in Talmud // Judaism*, Vol. 17, n. 3, 1968, 316-334). Кроме того, Толстому постоянно недостает терпения проверить свою «теорию», детально отвечая на различные примеры, которые подразумевают срочное применение силы: «насильственное предотвращение попытки самоубийства», «применение силы ради защиты жертвы от нападения», или известный пример убийства ребенка в письме Эрнесту Хауарду Кросби от 12 января 1896 г.

¹³ См.: Карсавин Л., *Церковь, личность и государство*. Прага, 1927. Николай Лосский также не признает протокол оправдания (допустить как необходимость – не значит оправдать).

определению атакующее и агрессивное и не может быть оправданным или необходимым в контексте «русского» или «православного» понимания насилия), то можем доказать, что сила, являющаяся противонасиельственной, и в этом смысле безразлично, является ли она оправданной или нужной, и подразумевает универсальный протокол, которого придерживаются все стороны конфликта. В тексте «Идейное оправдание войны» (1914) Семен Франк берет на себя тяжелое задание (это его слова) составить «идейное оправдание войны», объективное и моральное:

Оправдать войну значит доказать, что, если она ведется во имя правого дела, то она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в жизни человеческой какие-либо объективно-ценные начала. Но «объективно-ценные» значит: ценные обязательно для всех (...). Оправдать войну можно, лишь приведя такие аргументы, с которыми противник *обязан* был бы согласиться¹⁴.

Протокол «противонасилия как оправдания силы» должен иметь какие-то постоянные характеристики: первое, насилие всегда на самом деле противонасилие, то есть насилие на самом деле уже представляет собой ответ на насилие (каждый, кто прибегает к насилию, утверждает, что на самом деле отвечает на насилие, которое уже совершилось); второе: основная идея «противонасилия» заключается в прекращении всякого возможного насилия (противонасилие поэтому есть последнее, конечное насилие), в осуществлении чего-то совсем нового (прекращение всего старого, несправедливости и предшествующих ей видов несправедливости; эта цель оправдывает и делает возможной последнюю несправедливость); и, третье: необходимой частью протокола становится полемика и обращение к противникам противонасилия, сопротивляющимся любому ответу на насилие (обычно это относится к разным формам «толстовства»).

Как прекратить насилие или войну, и существует ли что-нибудь в самом насилии (или «противонасилии»), что может остановить продолжительность насилия? Аналогично, или, точнее, на основании контраналогии, какие же это виды насилия, которым мы никогда не сопротивляемся, и которые не подразумевают применение «противонасилия»?¹⁵ Можно ли назвать последние насилием, или «насилием» можно считать только тот вид насилия или то количество силы, которое должно вызвать ответ, то есть «противонасилие»? Существуют виды насилия, которые мы сносим, потому что уверены, что в противном последуют гораздо более страшные виды насилия¹⁶. Далее, существуют модифицированные и институционализированные виды насилия (так называемое *институциональное насилие*, и, кроме того, невидимое, *символическое насилие*), которые стали невидимы и на которые мы никогда не отвечаем (эта тема *contre-violence* – одна из конструкций Этьенна Балибара, как и «*convertibilite de la violence*» или «*conversion*» и «*institutionalisation de la violence*», о которых он часто говорит; в введении к одной из последних книг Марты Нусбаум

¹⁴ Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. М., 2005. С. 404, 408.

¹⁵ Понятие противонасилия встречается очень редко. Его тематизирует только Гюнтер Андерс (Günther Anders), еще один убежденный пацифист, в книге *Gewalt – Ja oder Nein*, опубликованной в 1987 г. (Droemersch Verlagsgesellschaft Th. Knaur, GmbH & Co KG, München). Противонасилие для Андерса является синонимом «легитимной обороны».

¹⁶ Это главный аргумент Л.Н. Толстого против противостояния насилию или злу. «Кроме того, оправдание насилия, употребленного над ближним для защиты другого ближнего от худшего насилия, всегда неверно, потому что никогда при употреблении насилия против не совершившегося еще зла нельзя знать, какое зло будет больше – зло ли моего насилия, или того, от которого я хочу защищать». См.: Толстой Л.Н. «Царство Божие внутри вас». Или ещё: «Если же целью человека является искоренение зла, то использование насилия в качестве главного средства в борьбе со злом «может только увеличить, а не уменьшить зло». См.: Толстой Л.Н. Путь жизни, с. 203.

упоминается похожая идея, которая так же неприемлема)¹⁷. Далее, мы никогда не отвечаем на «насилие победителя», то есть институт победы может «вычеркнуть» предшествующее ей насилие, или насилие, которое довело до победы¹⁸. Существует также один вид применения силы, который также входит в круг дискуссий о насилии – «противонасилие» как предупредительная мера по отношению к насилию, которое еще не произошло, а также и «противонасилие», которое исправляет несправедливость и восстанавливает исходное положение дел и равновесие (я полагаю, что это вымысел, потому что, когда мы насилием отвечаем на насилие, мы всегда стараемся ответить еще большим, преувеличенным насилием, чтобы именно так попытаться остановить дальнейшее насилие).

То, что меня сейчас прежде всего интересует – это временной и регулятивный аспекты «противонасилия». По определению, «противонасилие» всегда бывает, или должно быть, недолговечным, «быстрым», и должно содержать в себе элемент «против» (саморегуляцию), то есть некую способность самоограничиться и остановиться. Одним словом – отменить самоё себя.

Если внутри некой идеальной эпистемологической реконструкции милитаристского театра (во всяком случае, не только православного или русского) окажется, что пацифизм или воззвание к миру («стремление к миру любой ценой», Ф. Розенцвейг) существует у противника или нападающего (мир возникает, когда нападение или насилие заканчиваются), тогда прекращение насилия может проявиться в определенный момент, если (под условием, что) мы не ведем себя пассивно (Карсавин *бездействие* определяет как грех; *бездействие* есть отрицательное общественное действие).

Если мне сейчас надо как можно точнее определить этот тип поступка или принуждения, как *всегда минимальный ответ* на насилие как «противонасилие», который до нас дошел из русского языка и размышлений о силе и войне на этом языке и в этой традиции, тогда, конечно же, первый необходимый шаг – срочно и быстро оказать сопротивление. Я или мы должны противостоять другому или другим. Сама эта позиция «сопротивления» означает, что необходимо принять насилие другого (предупредительное насилие или война или «противонасилие» эпистемологически неправильно, потому что мы не знаем, нападут на нас или нет [Н. Putnam])¹⁹ и срочно его остановить. Как вытерпеть насилие другого? Затем, как остановить насилие другого или какая сила в нем может остановить его собственное насилие?

Иван Ильин употребляет несколько глаголов – *пресечь, заставить, понуждать, принудить* – и так определяет формы этого «позиционирования себя напротив» нападения другого. Минимальный ответ на насилие в виде «противонасилия» должен был бы подразумевать несколько протоколов.

Первый и самый важный заключается в способности *отличать силу от насилия* («не всякое применение силы есть насилие», Н. Лосский)²⁰. В книге *О*

¹⁷ M. Nussbaum, *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*, New York, Oxford University Press, 2016.

¹⁸ «Надо уничтожить этот город... (дело идет о городе Нанте). Будет достаточно времени быть людьми, когда мы победим» (*Nous aurons le temps d'être humains lorsque nous serons vainqueurs*) (Мари-Жан Еро д'Сешел, 1793).

¹⁹ «Если не знаем, тогда то, что мы делаем – неморально» (*If we don't know, then what we are doing is immoral*). Н. Putnam, «The Epistemology of Unjust War», *Philosophy in an Age of Science*, ред. М. De Caro & D. Macarthur, Cambridge, Harvard University Press, 2012, 318.

²⁰ Г.К. Гинс в книге *Право и сила* (Харбин, 1929) настаивает на то, что сила и насилие не пересекаются. Насилие есть противозаконная сила (с. 30). Интересно то, что в этой книге Толстой появляется только в главе «Анархисты и Ленин» (с. 18-21). С другой стороны, Андрей Снесарев в книге *Философия войны*

сущности правосознания (глава 14, «Аксиомы власти», 1956, 295–296) И.А. Ильин пишет о духовной правоте, как о какой-то таинственной силе, потому что власть как таковая есть волевая сила и правильная сила: «Власть есть прежде всего сила (...) Сущность жизни состоит в действии, и притом, в целесообразном действии; способность же к такому действию есть живая сила (...). В отличие от всякой физической силы, государственная власть есть волевая сила (...). «Меч» отнюдь не выражает сущность государственной власти. (...) Власть есть сила воли (...). Первая аксиома власти гласит, что государственная власть не может подлежать никому, помимо правового полномочия»²¹.

И этот отрывок для нас особенно важен: «Мало того, правосознание требует, чтобы самая власть воспринималась не как сила, порождающая право, но как полномочие, имеющее жизненное влияние (силу) только в меру своей правоты. Право рождается не от силы, но исключительно от права и в конечном счете всегда от естественного права. Это значит, что грубая сила, захватившая власть, будет создавать положительное право лишь в ту меру, в какую правосознание людей согласится (под давлением каких бы то ни было соображений) признать ее уполномоченной силой»²².

Мне кажется, что И.А. Ильин, только в этом месте всё еще недостаточно ясно показывает «асимметричную синонимию» власти и силы, о чем он писал в 1910 году²³. Власть как сила не порождает право: это возможно только, если у власти есть «свое жизненное влияние», которое на самом деле есть сила «в меру своей правоты». Тот, кто находится в противостоянии, как раз и является той жизненной силой, которая, будучи правомерной (как власть), устанавливает право или порядок в «общественной жизни».

Затем, второе: ни насилие, ни «грубая сила» (а это синоним насилия) не порождают право. Это большое новшество в истории оправдания силы или насилия, которого нет в западных языках²⁴. Насилию нападения надо противостоять только

(книга подготовлена к печати в 1930 году; Москва, Ломоносов 2013), в шестой главе («Война и государство») пытается на основании некоторых фрагментов Еллинека и Руссо исследовать результаты действия «грубой неразумной силы» (с. 222).

²¹ Ильин И.А. О сущности правосознания (1956) // Ильин И.А. Собрание сочинений. Том 4. Глава 14, «Аксиомы власти». Москва: Русская книга, 1994. С. 291–295.

²² Там же, с. 295–296.

²³ Текст И.А. Ильина «Понятия права и силы», написанный в 1910 году, определенно один из первых текстов на эту тему, автор переводит как «Die Begriffe von Recht und Macht» (Келсен в 1911 году так же печатает текст о *Recht und Macht*; может быть, под его влиянием Ильин переводил силу как *Macht*). *Macht* обычно переводят как *силу*, *мощь*, или иногда *власть*, тогда как немецкое слово, соответствующее значению Ильина – это *Kraft* (Бенджамин в 1921 году печатает текст о *Recht* и *Gewalt* [насилие]). Ильин принимает решение в пользу *Macht*, подчеркивая в введении, что «*Macht ist hier als Artbegriff zu Kraft (entelecheia) zu verstehen*». Немецкая версия текста Ильина (Радбрух, похоже, был с ней ознакомлен, когда писал свою книгу *Grundzüge der Rechtsphilosophie* 1914 г.) не содержит один отрывок о власти и силе, который существует в русском оригинале. Ильин два раза повторяет, что *власть – это сила, санкционированная правом* (с. 40). Ильин пытается рассматривать *право как силу и реальность силы*, которая может дать *реальную мощь* праву. Ильин рассматривает отношение или сопротивление (или, еще лучше, «сближение») этих двух терминов и на самом деле не может найти связь двух регистров, которые, хоть и являются комплиментарными, не могут считаться принадлежащими. Право может быть силой или общественной силой, но обратное не существует, и, похоже, сила не может уравниваться с правом.

²⁴ Огромное количество юристов писало короткие и длинные трактаты об отношении между правом и насилием (или силой). Некий Jacques Flach, в тексте 1915 года *Le droit de la force et la force de droit* (Paris, Sirey, 1915) говорит об извращении права в Германии («*la déviation de la justice*») (7), возникшем еще при Бизмарке, который считал, что «сила предшествует праву» (*la force prime le droit; Macht geht*

таким способом, который подразумевает возможность установления права или порядка. Если книгу 1924 г. И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» читать в контексте раньше и позже напечатанных его текстов о праве, тогда становится ясно, что право – основная регулятивная идея применения силы (человек сопротивляется насилию в той мере, в которой становится возможным рождение права). В этом смысле сила и становится «стимулом к развитию права»²⁵.

Третий протокол, который всегда поощряет право в применении силы и непрестанно очерчивает границу «противонасилия», входит в круг метафоры и метонимии (мне кажется, что его все же нельзя подвести под «религиозную фразеологию»). Это напутствия «и самый меч его становится огненной молитвой», и «да будет ваш меч молитвой и молитва ваша да будет мечом»²⁶. Они могут, без сомнения, повлиять на регуляцию сопротивления насилию и быстрое прекращение применения силы, хотя о них всегда сложно логически рассуждать. Этот протокол настал, конечно же, в согласии с идеями Толстого о полном отказе от ответного насилия.

Список литературы

1. Гинс Г.К. Право и сила. Харбин, 1929.
2. Гусейнов А.А. Понятия насилия или насилия // Вопросы философии. № 4, 1994. С. 35-41.
3. Демидов И. Творимая легенда // Ильин И.А. Pro et Contra.
4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М., 1996. С. 31-220.
5. Ильин И.А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Вопросы философии и психологии». М., 1910. Год XXI. Кн. 101 (II). С. 1-38.
6. Ильин И.А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 5-44.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 150-414.
8. Карсавин Л. Церковь, личность и государство. Прага, 1927.
9. Снесарев А. Философия войны. М., 2013.

über Recht oder vor Recht) (15). Flach реконструирует немецкую пословицу о праве сильных подчинять себе слабых, то есть о преимуществе насилия над правом. Эта пословица гласит «*Eine Hand voll Gewalt ist besser als ein Sack voll Recht*» («лучше кулак, полный насилия, чем мешок, полный права») (19). Насилие делает право стабильным, постоянным, институциональным. U knjizi *La force et le droit* (Paris, Felix Alcan, 1917), Raul Antony предлагает формулу (*la formule*), которая содержит три возможности: «*la force fait, crée ou est le droit*» (сила совершает, сила создает или сила права). Все эти тексты в каком-то смысле являются введением в исследование Ериха Бродмана *Recht und Gewalt* (Berlin & Leipzig, Walter de Gruyter, 1921), также как и в знаменитый текст Уолтера Бенджамина, изданный в том же году.

²⁵ Гинс Г.К. Право и сила, с. 44. Особенно интересен случай текста «*La force et le droit*» Теодора Русьена, написанный в 1915 г. и напечатанный в 1916 г. в *Revue de metaphysique et de morale* (том 22, номер 6, 849-868) и комментарий С. Франка в тексте «Сила и право» (*Русская мысль*, 1916. № 1, с. 12-17). Критикуя немецкую философию и ее связь с войной, альянс силы и права (*Macht geht vor Recht*), которую считает скандалом для разума (*scandale pour la raison*) (852), Русьен подтверждает их ясную и необходимую взаимосвязь. Франк, наоборот, показывает, что голая сила, «поскольку она противопоставляется праву, есть самая бессильная вещь на свете» (15): «Истинная сила есть всегда сила права: ибо сила права, будучи духовной, тем отличается от голой силы, что всякое ослабления ее, всякое давление на нее вызывает новую реакцию правосознания, ведет к усилению права». (16)

²⁶ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М., 1996. С. 219, 3.

10. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 23. Произведения 1879-1884 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 149-221.
11. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 37. Произведения 1906-1910 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 149-221.
12. Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993.
13. Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Избранные философские произведения / Сост., авт. вступ. ст. Н.П. Семькин. М.: Просвещение, 1992.
14. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне / ред. И.С. Даниленко. М., 2005.
15. Франк С.Л. Сила и право // Русская мысль. 1916. №1. С. 12-17.
16. Anders G. Gewalt – Ja oder Nein. Droemersch Verlagsgesellschaft Th. Knaur, GmbH & Co KG, München, 1987.
17. Anders, Günther. Gewalt – Ja oder Nein. München, Knaur, 1987.
18. Binder, Julius 1921, Recht und Macht als Grundlagen der Staatswirksamkeit, Erfurt Verlag der Keyserschen Buchhandlung, 1921.
19. Kant, Immanuel. Metaphysik der Sitten Vigilantius // Kant I. Gesammelte Schriften, Band XXVII, Berlin, De Gruyter, 1975, pp. 475-732.
20. Kant, Immanuel. Reflexionen zur Rechtsphilosophie // Kant I. Gesammelte Schriften, Band XIX, Berlin, De Gruyter, 1971, pp. 442–613.
21. Kimelman, Reuven. Non-Violence in Talmud // Judaism, Vol. 17, n. 3, 1968, pp. 316-334.
22. Lassalle Ferdinand. Macht und Recht: Offnes Sendschreiben, Zürich, Meyer & Zeller, 1863.
23. Merkel, Adolf. Recht und Macht // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, Band 5 (1881), pp. 439-465.
24. Nussbaum, Martha. Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice. New York, Oxford University Press, 2016.
25. Putnam, Hilary. The Epistemology of Unjust War // Philosophy in an Age of Science, Mario De Caro and David Macarthur (eds). Cambridge, Harvard University Press, 2012, pp. 312–326.
26. Scheler, Max. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg. Leipzig, Verlag der Weissen Bücher, 1915.
27. Stammler, Rudolf. Recht Und Macht. Berlin, Carl Heymanns Verlag, 1918.
28. Stintzing, Roderich. Macht und Recht. Bonn, A. Marcus, 1876.
29. Heilinger, Alois. Recht und Macht. Wien, Manzsche, Hof-Verlags und Universitätsbuchhandlung, 1890.
30. Hensel, Paul. Recht und Macht // Rechtsidee und Staatsgedanke: Festaussgabe für Julius Binder, Karl Larenz (ed.). Berlin, Junker und Dünnhaupt, 1930, pp. 106-112.

FORCE AND CESSATION OF VIOLENCE

Petar Bojanic

Belgrade University, the Institute for Philosophy and Social Theory, Belgrade;
Ural Federal University, Ekaterinburg
e-mail: bojanic@instifdt.bg.ac.rs

The article deals with numerous meanings of concepts "force", "violence", "war" and "nonviolence" in the context of Russian philosophy, represented by the texts of such thinkers as L.N. Tolstoy, Il'in, Frank and others. Author compares them with the connotations in the discourse of Western philosophy and also makes connections between force and violence, war and nonviolence, distinguishing them in ontological bases, linguistic and anthropological practices.

Keywords: force, violence, war, nonviolence, Russian philosophy, I. Kant, L.N. Tolstoy, I. Ilyin, S.L. Frank.

РЕЦЕПЦИЯ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ В 1830-Х ГОДАХ

Т.С. Коломейцева

Независимый исследователь
e-mail: journal@bgiik.ru

Сегодня в России спор западников и славянофилов заходит на свой новый виток, и потому полезно обратиться к 1830-м, к самому началу этого спора, когда гегелевская философия питала общественные дискуссии. В статье изучаются особенности консервативной религиозной рецепции Гегеля в России в это десятилетие, а также рассмотрено, как философия Гегеля нашла свое отражение в стратегиях изучения Гегеля у Н. Станкевича, В. Белинского и М. Бакунина.

Ключевые слова: Гегель, Бакунин, Белинский, Станкевич, рецепция гегелевской философии в России.

Степень разработанности проблемы

О Гегеле в России в 1830-е годы существует ряд обстоятельных источников, изданных спустя столетие, в том числе исследование Б. Яковенко¹, которое благодаря своей подробности может служить отличным библиографическим пособием, однако, зачастую без необходимых обширных комментариев. Менее подробно, однако довольно рельефно, тема Гегеля в России в 1830-х изложена Д. Чижевским², который стремится в большей мере показать 1840-е, однако отдельные статьи он посвящает кружку Станкевича, Белинскому и Бакунину. Реконструкция Т. Щедриной второй части «Очерка развития русской философии» Г.Г. Шпета³ дает богатый материал для изучения. Работа А. Койре⁴ представляет исследовательский интерес, однако она в основном опирается на труд Шпета. Любопытно также исследование Ж. Планти – Бонжур⁵ о Гегеле в России, однако в нем зачастую философские взгляды русских мыслителей объясняются через обозначение их духовных принципов без дополнительной исследовательской работы. Историографический интерес представляет книга «Гегель и философия в России» 1974 года как образец советского дискурса о русском Гегеле в 1830-х гг.⁶

«Кризис гегелианства» с многочисленными воспоминаниями переживших этого кризис в России в 1840-х годах сбивает оптику, мешает понять, чем же был Гегель для 1830 – гг. для России тех лет, когда пылливому студенту уже нельзя было непосредственно познакомиться с Гегелем на его лекциях в Берлине, однако интерес к его философии в нашем Отечестве только возрастал. Более того, сегодня исследователю приходится пробиваться к 1830-м еще и сквозь советские рецепции. В

¹ Jakovenko B. Geschichte des Hegelianismus in Russland. 1820-1850. Prag, 1940

² Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007. 409 с.

³ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т. Щедриной. М., 2009. 848 с.

⁴ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. 301 с.

⁵ Planti – Bonjour, G. Hegel et la pensée philosophique en Russie. LaHaye: Nijhoff, 1974.

⁶ Гегель и философия в России. М., 1974. 265 с.